

УКРАИНЫ

МУЖЕСТВЕННЫЙ МИР ТВОРЧЕСТВА

Игорь Леонтьевич Муратов... Сегодня ему исполнилось бы 70.

Его нет среди нас, но живут полнокровной жизнью его книги, в которых с большой художественной глубиной отражен значительный период биографии страны.

Первый поэтический сборник «Комсографик», вышедший в 1933 году, явил читателю человека с горячим сердцем. В стихах с молодым задором бился пульс жизни его современника — героя первых пятилеток.

Как-то в литейном цехе Харьковского тракторного завода я присутствовал при встрече Игоря Муратова с ветеранами, которые вместе с поэтом, тогда молодым выпускником профтехшколы, начинали свой трудовой путь в только что возведенных стенах нашего индустриального первенца. Они рассказывали, с какой энергией молодой рабочий, молодой поэт брался за самое трудное. Эта черта — стремление испытывать силы на разных участках — отразилась и на его творческих поисках. Наверное, нет такого жанра в литературе, в котором бы он не работал. Игорь Муратов и поэт, и драматург, и прозаик, и либреттист, и критик, и публицист. Первое его крупное прозаическое произведение «Буковинская повесть» была отмечена Государственной премией СССР (1951 г.). Эта глубоко человечная книга, переведена на десятки языков.

Я люблю поэзию Игоря Муратова. Она отражает в себе радости и боли мира, его красоту и противоречия. Игорь Муратов, будучи уже безнадежно больным, оставался верен своему благородному труду: последнюю его поэму «Сердце Тычины» буквально на полуслове оборвала смерть. Член партии с 1940 года, пламенный публицист, талантливый писатель, он вместе со своими книгами остается в нашей жизни, как ее строитель и ее певец.

Роберт ТРЕТЬЯКОВ.

Лауреат премии имени П. Г. Тычины.

Харьков.

ХЛЕБ

В неволе за колючим
дротом
Лежал израненный солдат,
И черствый хлеб,
что звался бротом,
Кидал ему по крохе кат.
За то, что сердцем
вольный сроду —
От рабской уходил судьбы,
Ему — одну гнилую воду,
Его — прикладом вахтман
бил.

А в забытии — и сын,
и дочка
Шалят, шалят перед
отцом...
Его детей морозной ночью
Спалили природы живьем.
И вот, покрытый стылым
потом,
Себя к родной земле
прижав,
Он — наспех сделанным
подкопом
Прополз под дротом
и — бежал.

В лицо дохнул свободный
ветер,
А он кривил голодный рот,
И хлебом, хлебом, хлебом
бредил,
И проклинал тюремный брот.

Гудели над Берлином «ИЛы»,
Громами город оглушен...
Сюда — в медалях, полный
силы
Он победителем пришел.
И там, где громыхали
пушки,
Где дым и залпы наших рот,
Худую увидал девчужку,
Что еле выговорила:
«Брот...»
И под чужим горящим
небом
(«Не виноваты малыши!»)
Он добрый брот, что звался
хлебом,
Ребенку отдал от души.

* * *

И слово пахнет,
как земля, —
С травой, с хлебом,
с кровью схоже.
Без запаха — не потревожит,
На подвиг повести
не сможет,
Пройдет — бесцветное! —
как тля...
И слово пахнет, как земля.

Вдохни, когда в нем звук
живой

По-настоящему взволнован,
И ты почувешь в этом слове
И стели аромат хмельной,
И дух шипящего жаркого,
И дождь отчаянно косой.

Еще — упругий ясенец,
И ветер с тракторного
поля,
И ловко скошенный чабрец,
И васильковое раздолье,
И прямо на лугу застолье,
И гурт молоденьких овец.

Еще же — выгона живинку:
И носогрепку чабана,
И молока парного кринку,
И жбан домашнего вина,
И мглу овражную со дна,
И белую — в пруду —
кувшинку...

О слово, пахни, как земля:
Посевом, восходом,
обмолотом,
Огнем талантливой работы,
И кровью нашею, и потом —
На все века, на все поля —
О слово! Пахни, как земля.

ПРИМОРСКИЙ ЭТЮД

Я поверил всерьез,
что балкончик мой —
крепкая палуба,
А напротив дубы —
шелестящие буруны.
Я плыву,
а за мною —
косматятся сполохи алые,
Как кривые следы
захмелевшей вконец бороны.
Море, гордый простор,
бесконечно раскинутый
в стороны,
Ты — бессонный прибой,
облаков отраженная рябь,
Рассекают тебя
своевольницы острые —
бороны...
Научусь ли когда
охранять свой покой
от тебя!..

Вот плыву
и живу
горизонтом,
объятым смятением
(Может, близится он? —
Не пойму, больно море
морщит...)

Все усилия мои —
это только
земле удобрения:
Пусть другим урожай,
Им — и жатва,
И пристань,
И штиль.

Перевод с украинского
Риммы КАТАЕВОЙ.